

**КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ БОЛЬШОГО АЛТАЯ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ***

Экологический кризис заставляет активнее разрабатывать теоретические и научно-практические подходы для достижения гармоничного единства человека и природы. Теория культурного ландшафта с опорой на учение ноосферы может стать одним из идейных фундаментов в этом процессе. В статье уточняется понятие культурного ландшафта, определяются его атрибуты, механизмы формирования.

Ключевые слова: культурный ландшафт, ноосфера, Алтай.

В настоящее время на Алтае на стыке границ четырех стран – Казахстана, Китая, Монголии и России предлагается к реализации ряд международных проектов. Их цель: способствовать сближению четырех государств в деле экономического и социально-культурного сотрудничества. Некоторые авторы предлагают реализовывать модели, основанные на техногенных приоритетах. Им противостоят проекты консервативно-биоцентричные, разработчики которых считают необходимым создать как можно больше особо охраняемых территорий – заповедников, заказников и т. д. Конечно же, эти крайние позиции малопродуктивны и вызывают негативную реакцию у специалистов и местного населения: техногенные – в силу того, что разрушают природную среду, леса, пастбища; создание же большого числа особо охраняемых природных территорий вытесняет людей с привычных мест хозяйствования. Отсюда необходимо сделать вывод о том, что высокие шансы к успешной реализации будут иметь те проекты, которые органично включают местное население в их осуществление. Анализ трансграничных проектов показывает, что в большей или меньшей степени разработчики признают уникальность природного комплекса Алтая.

В настоящий момент разработчики различных проектов опираются, в части идеологии, на концепцию «устойчивого разви-

тия». Однако и само понятие «устойчивое развитие», и проекты, возникшие на его основе, справедливо подвергаются критике за расплывчатость и нечеткость критериев и приоритетов. В связи с этим предлагается обратить внимание на более проработанную – идейно, теоретически, а в некоторых регионах уже экономически и юридически – концепцию культурного ландшафта. Одним из продуктивных подходов в формировании теории культурного ландшафта в настоящий момент считается ноосферный подход. На перспективность такого синтетического естественно-научно-культурологического метода разработки проблематики культурного ландшафта указывает Ю. А. Веденин [1997].

Впервые понятие культурного ландшафта ввел американский географ Карл Зауэр [Sauer, 1925], вокруг которого впоследствии сформировалась целая школа культурной географии. Р. Ф. Туровский, оценивая ее деятельность, считает, что американские ученые, как правило, понимают под культурным ландшафтом «сумму изменений, внесенных в природный ландшафт человеком» [Туровский, 1998. С. 10]. Ими вычленяется природная и культурная составляющие, причем последней отводится главенствующая роль. Под культурным понимался искусственно созданный ландшафт.

В отечественной науке в советское время также делался упор на преобразующую

* Работа выполнена при финансовой поддержке Международного конкурса РГНФ – Мин ОКН Монголии «Цивилизационные константы Внутренней Евразии: ценностные системы и мировоззренческие ориентиры» (проект № 07-03-92203а/G).

природу хозяйственную деятельность в процессе формирования культурного ландшафта. Он противопоставлялся акультурному – «плохому», а атрибутами «хорошего» культурного ландшафта были удобство, рациональность планировки, эстетическая ценность. Заметим, не все то, что кажется нам удобным и рациональным, отвечает законам природы. Классический пример в нашей стране – планы переброски северных рек на юг; в Китае – спрямление русел рек, вызвавшее пересыхание рек и образование мощных разрушительных наводнений. На Алтае по чисто природным показателям – горная река, узкий каньон – предполагалось строить Катунскую ГЭС. Государственные и общественные экспертизы показали экономическую и экологическую несостоятельность и опасность данного проекта.

Разработка теории культурного ландшафта в последнем десятилетии прошлого века вышла на новый этап, где синтезировались идеи евразийцев и учения о ноосфере. В этом ключе и представим наши размышления, предложим авторскую ноосферную модель и покажем механизмы формирования культурного ландшафта.

Эффективность применения теории ноосферы к разработке системы управления и планирования природно-культурных комплексов нашло отражение в трудах Б. И. Кочурова [1994], А. Г. Назарова [1986], А. Д. Урсула [1998] и др.

Опираясь на учение о ноосфере, Ю. А. Веденин и И. П. Чалая уточнили определение культурного ландшафта: это целостная и территориально локализованная совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединенного влияния природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и жизнеобеспечивающей деятельности людей [Чалая, Веденин, 1997. С. 6]. Культура устанавливает с ландшафтом контакт через материальные объекты, различного рода деятельность и отношение человека к окружающему миру, обусловленное сложившимися у него ценностными критериями. Между природой и культурой, пишет Ю. А. Веденин, через процессы деятельности устанавливаются потоки энергии и информации. Справедливо добавить – и потоки вещества, имея в виду строительство зданий, сооружений, коммуникаций и пр.

Исследуя понятие культурного ландшафта, Ю. А. Веденин одним из первых вводит в научный оборот такие его атрибуты, как вертикально-горизонтальную неоднородность и способность накапливать потенциал интеллектуально-духовной энергии в двух основных слоях – культурном и природном [Веденин, 1997. С. 8]. Первый, по мере накопления, приобретает все большую значимость и в конечном итоге определяет пространственную специфику культурного ландшафта. Эти два слоя «могут быть дифференцированы на ряд более мелких пластов» [Чалая, Веденин, 1997. С. 7].

Другими важными атрибутами культурного ландшафта, по мнению Ю. А. Веденина, нужно считать наличие и сочетание таких элементов, как наследие (общепризнанные социальные, научные, художественные и, добавим, духовные ценности), традиционную и инновационную культуры. Ю. А. Веденин справедливо утверждает, что гармоничное сочетание этих трех элементов в культурном ландшафте «является наиболее эффективным с точки зрения удовлетворения социокультурных потребностей общества и его развития» [Там же. С. 8].

Поскольку в настоящий момент происходит смешение понятий культурного и антропогенного ландшафтов, постараемся развести эти понятия. Антропогенный ландшафт – более широкое понятие. Он включает в себя культурный ландшафт, но не совпадает с ним. Очевидно, деятельность человека должна вестись таким образом, чтобы природное и антропогенное создавали органическое единство. Отсутствие этого единства – одна из причин экологического кризиса. Кроме того, логически выводится наличие разных иерархических систем формирования ландшафтов планеты. Если брать в качестве главного критерия степень преобразования естественного ландшафта, то центральным звеном этой пирамиды будет глубоко урбанизированный ландшафт, а заповедник, биосферный резерват станут периферическим звеном. И наоборот, если заповедник избран в качестве вершины системы ландшафтов, то это приведет неизбежно к столкновению интересов защиты дикой природы и планов социально-экономического развития территорий. Главным элементом в системе ландшафтов должен быть признан культурный ландшафт – территория, на которой состоялся коэволюци-

онный синтез сил природы и человека. Аргументируем этот вывод следующими размышлениями.

Для более точного определения культурного ландшафта рассмотрим вначале основные типы ландшафтов в целом. С точки зрения определения степени антропогенного воздействия можно выделить по меньшей мере три типа. Первый – это заповедные и малоосвоенные территории. Появление на них человека эпизодично, деятельность носит преимущественно научный характер, не разрушает ландшафта и не прерывает естественных биосферных процессов. Таких территорий остается все меньше, и даже высокогорные районы Алтайского заповедника ныне подвергаются техногенному загрязнению во время космических пусков с космодрома Байконур. Но, за исключением выше упомянутого экологического фактора, другим антропогенным воздействием можно пренебречь. Технобиосферный дисбаланс складывается в пользу природной составляющей. Другое, противоположное первому, состояние в общей системе антропогенного ландшафта занимает техногенно-урбанизированный ландшафт (как предельный случай – зона экологической катастрофы, например эпицентр ядерного взрыва, химическая авария), где прерываются многие или почти все биосферные процессы. Промежуточное положение занимают территории, на которых состоялось или достаточно долго поддерживается в состоянии равновесия антропобиосферное единство (технобиосферный баланс). Последнее и будет соответствовать понятию культурного ландшафта. Поскольку технобиосферный баланс это фактически обмен энергий – энергии, вложенной человеком в ландшафтное преобразование, и собственно природные энергии, то рассмотрим различие в нескольких аспектах.

Первый – это способ хозяйствования. Сведение лесов, перекрытие крупных рек плотинами и т. д. необратимо снижает биологическое разнообразие. Если же человек, осваивая окружающую среду, делал ставку на возобновляемые ресурсы и в целом сохранил положительный баланс извлекаемых ресурсов и восстанавливаемых природой, то видовое разнообразие не только не снижалось, но в ряде случаев даже повышалось. Например, русские монастыри не только являлись культовыми сооружениями и

украшали пейзаж, но и зачастую представляли собой центры по садоводству, цветоводству и огородничеству. Фактически на одной и той же единице площади благодаря высокой продуктивности усиливался обмен энергиями между природными и антропогенными факторами.

Другой вид ландшафта – акультурный – представляет собой ландшафты, изменения в которых носили регрессивный, разрушительный характер. На них биоразнообразие сведено практически к нулю. Таким образом, уровень биоразнообразия можно рассматривать как важный показатель действительно гармоничного сочетания «культуры» и «природы». Сформулировать его можно так: если на территории, в сравнении с исходным состоянием до антропогенного вмешательства, после воздействия человека уровень биоразнообразия резко сократился, то мы имеем дело с акультурным ландшафтом.

В связи с вопросом о критериях хозяйственной деятельности человека можно вспомнить работы С. А. Подолинского, ученого, чей труд высоко оценивал В. И. Вернадский, видевший в нем подтверждение своей теории ноосферы и учения о культурной биогеохимической энергии. Основная работа С. А. Подолинского – «Труд человека и его отношение к распределению энергии» [1991]. Исследование С. А. Подолинского было опубликовано в 1880 г. и с тех пор оставалось невостребованным. Оказавшись в условиях нарастающего экологического кризиса, человечество будет вынуждено вернуться к теориям, рассматривающим жизнь и деятельность человека в неразрывности с природно-космическими факторами. Основной вопрос любой хозяйственной деятельности, в конечном счете, заключается в извлечении и потреблении энергии во всех видах. Подолинский справедливо заставляет вновь осознать исключительную роль растений на планете в плане накапливания энергии. Труд, по Подолинскому, это распределение и использование накопленной энергии Солнца. Глубокие исследования по этому вопросу были произведены Н. В. Тимофеевым-Рессовским [Тюрюканов, Федоров, 1996. С. 57]. Он пишет о том, что вся энергия Солнца, падающая на поверхность Земли, лишь от 3 до 8 % закрепляется зелеными растениями. Если увеличить этот объем в результате хозяйст-

венной деятельности всего на несколько процентов, то общая производительность биосферы может возрасти в несколько раз.

У П. Н. Савицкого, одного из ведущих евразийцев, можно обнаружить важное умозаключение, касающееся понятий «хозяйственное отношение к делу», которое может быть расширено, и «хозяйственное отношение к ландшафту». Он определяет, что землю «...к концу производственного цикла хозяин стремится оставить в состоянии, с хозяйственной точки зрения, не худшем, а по возможности – лучшем, чем то, в котором она вступила в производственный цикл» [Савицкий, 1997. С. 222]. Такой взгляд на хозяйство разделяли многие русские мыслители рубежа XIX–XX вв., например С. Н. Булгаков [1993].

Здесь можно сделать следующий вывод. Поскольку вся растительность Земли за год накапливает в среднем до 6 % от общего потока солнечного излучения, то потребление во всех видах энергии сверх этого необходимо рассматривать как исчерпывание ресурсов, накопленных для других поколений. Это количество солнечной энергии, закрепленной на планете, необходимо рассматривать как константу, которая регламентирует деятельность человека, производство и потребление энергии. Конечно же, требуется более глубокая научная проработка этого вопроса, однако, установление баланса между энергией, полученной и связанной во всех видах данной территории, и энергией, извлеченной на той же территории, можно в первом приближении считать вторым базовым критерием культурного ландшафта.

Обращаясь к духовно-эстетическому аспекту культурного ландшафта, предложим считать критерий подобия антропосферы и природной среды на конкретной территории одним из главных для культурного ландшафта. В целом этот критерий представляется естественным; нас и сейчас поражает, с какой точностью вписывали в окружающую среду зодчие прошлого различные здания и сооружения, не только храмы, но и обычные жилища.

Выделим в связи с этим ряд принципов, которые способствуют формированию культурного ландшафта. Наибольший вклад здесь внесла восточная мысль, которая закрепила не только в трактатах, но и в практике китайских и японских садов. Такие

же точно примеры мы можем обнаружить и в русских усадьбах и монастырях. Поскольку на Востоке были глубже разработаны теоретические основы подобных сочетаний, обратимся к ним и постараемся привлечь их к разработке концепции культурного ландшафта.

В японской традиции были сформулированы следующие принципы, которые проясняют систему отношений человека и природы. Это гармония, ответственность, чистота и единство. Принцип гармонии предполагал и Вселенскую гармонию, стройность и упорядоченность мироздания и, главное, установление гармоничных естественных отношений человека и окружающего его мира. Некоторые закономерности, характеризующие эту гармонию, известны давно: например, закон золотого сечения. И. П. Шмелев, крупный исследователь проявлений закона золотого сечения в природе и архитектуре, пишет по этому поводу следующее: «...правило биоритма должно стать доминирующим критерием в архитектурном творчестве. Только в этом случае архитектурная деятельность сможет вывести архитектуру из русла жгучих проблем экологии» [Шмелев и др., 1990. С. 237].

Принцип гармонии опирается на глубокий принцип единства всего мира. История культуры убедительно подтверждает, что во всех культурных ландшафтах при строительстве использовались, как правило, местные материалы, что, в свою очередь, диктовало наиболее целесообразные композиционные и конструктивные приемы и методы. Это приводило к сложению архитектурного стиля, который наиболее точно подходил под местные климатические условия, согласовывался с глубиной или закрытостью пейзажа, соотносился с линиями рельефа.

Принцип ответственности «...означает всеобъединяющую цельность мира, присутствие в нем гармонии, как некой высшей, определяющей естественный ход его развития субстанции, и ответственности человека, как неделимой и наиболее активной части этого мира, за сохранение и развитие его гармоничности» [Соколов-Ремизов, 1986. С. 37]. На практике этот принцип воплощается в ритуалах, обрядах, правилах, которые регламентировали в прошлом отношения человека и природы.

Принцип чистоты, в контексте японской культуры, имел двойкий смысл: сакральное очищение от мирской суеты и мирской грязи, внутреннее очищение через соприкосновение и созерцание прекрасного, например, прекрасного пейзажа. С другой стороны, он имел и буквальный смысл физической чистоты, высоко чтимый в буддийских и русских монастырях. В последнем случае он приобретает абсолютно современное экологическое звучание. Культурным ландшафтом мы никогда не назовем пейзаж со свалками мусора, промышленными и бытовыми отходами.

Но можно на принцип чистоты посмотреть и с точки зрения цветосветовой чистоты и единства. Характерно, что в природе, как правило, присутствуют чистые цвета, что ассоциируется у нас с жизненностью, здоровьем и красотой. Соответственными должны быть и цвета возводимых культурных строений и сооружений. Сила и чистота цвета как бы сообщают силу духа и труда человека, что соответствует мощному аккорду сил природы в акте творчества. Именно так – мощным цветовым аккордом – выглядят юрта и староверческий дом изнутри, а ритмические и орнаментальные мотивы экстерьера согласуются с линиями и мотивами окружающего мира.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в культурном ландшафте его культурная составляющая должна: а) сохранять его базовые природные характеристики, в первую очередь, биоразнообразие и энергетический баланс территории; б) обладать структурно-ритмическим и материально-энергетическим единством с природной составляющей и в) усиливать тонкоэнергетическое гармоничное воздействие природного ландшафта.

Список литературы

Булгаков С. Н. Философия хозяйства: трагедия философии. М.: Наука, 1993. 603 с.

Веденин Ю. А. Очерки по географии искусства. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия. 1997. 224 с.

Кочуров Б. И. Ноосферный и балансовый принцип организации территории // Пути духовного и экологического преобразования планеты. Барнаул: Ак-Кем, 1994. С. 213–215.

Назаров А. Г. Ноосферная концепция В. И. Вернадского как основа научного управления // В. И. Вернадский и современность. М.: Наука, 1986. С. 40–66.

Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.

Соколов-Ремизов С. Н. Человек и природа в классической художественной традиции Японии и Китая // Человек – Природа – Искусство. Л.: Наука, 1986. С. 35–47.

Подолинский С. А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. М.: Ноосфера, 1991. 82 с.

Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт Наследия, 1998. 210 с.

Тюрюканов А. Н., Федоров В. М. Н. В. Тимофеев-Рессовский: Биосферные раздумья. М., 1996. 386 с.

Урсул А. Д. Переход России к устойчивому развитию. М.: Ноосфера, 1998. 500 с.

Чалая И. П., Веденин Ю. А. Культурно-ландшафтное районирование Тверской области. М., 1997. 286 с.

Шевелев И. Ш., Марутаев М. А., Шмелев И. П. Золотое сечение: три взгляда на природу гармонии. М.: Стройиздат, 1990. 343 с.

Sauer K. Morphology of Landscape // University of California. Publications in Geography. 1925. Vol. 11. No. 2. P. 154–212.

Материал поступил в редколлегию 26.06.2009

M. Yu. Shishin

THE CULTURAL LANDSCAPES OF THE GREAT ALTAI: THE CONCEPTUAL AND APPLIED ASPECTS OF RESEARCHING

The ecological problems make society be more active in developing theoretical and scientific and practical approaches for achievement of harmonious unity of human and nature. The theory of cultural landscape within the doctrine of noosphere can become one of the ideological foundations of this processes. Specifying the term «cultural landscape», it's defined here the attributes and mechanism of formation of cultural landscape.

Keywords: cultural landscape, noosphere, Altai.